

Наследник, наследник! В своё время под этим предлогом она заполучила этого мужчину. Неужели сегодня она должна потерять всё из-за этого?

Разве она узнала о эгоизме и бессердечности Сяо И только сегодня?

Сяо И женился на ней, используя её как инструмент для брачного союза и захвата власти. А сегодня, когда его положение крепко и ему больше не нужно смотреть в лицо семье Ци, разве она, Ци Жолань, не стала бесполезной отброшенной фигурой?!

Он бросил её так же, как когда-то бросил её брата.

— Хе, ха-ха, — вдруг пронзительно рассмеялась Ци Жолань. — Брат, старший брат! Лань наконец-то поняла тебя, осознала ту боль, которую ты испытал в тот день!

Сяо И нахмурился, глядя на неё, но увидел лишь холодную, зловещую усмешку на лице Ци Жолань.

— Сяо И, ты хочешь получить всё, готов использовать всё и бросить что угодно. А я проклинаяю тебя: да не обретёшь ты то, чего желаешь больше всего на свете, ни в этой жизни, ни в последующей!

У Сяо И дёрнулось веко, не успев он выругаться, как она со всей силы ударила себя в низ живота.

...

Карета уже выехала за пределы владений Зала Властного Клинка. Цинь Шань и его спутники сменили лошадей и продолжили путь на восток. На третий день они наконец добрались до деревни.

Когда Цинь Шань слезал с коня, люди во дворе, услышав шум, уже вышли их встречать.

— Господин!

Увидев людей, Миньюэ радостно воскликнула:

— Вы наконец-то приехали!

Цинтянь, застёгивая путы на лошади, сказал:

— Зачем кричишь «господин»? Больше не нужно одурачивать посторонних, зови хозяином.

— Господин — это и есть хозяин, а хозяин — это господин, — надула губки Миньюэ. — К тому же, как бы я его ни звала, господин всё равно не обидится.

Глядя, как они переругиваются, Цинь Шань улыбнулся.

— Тьфу ты, диво да и только.

Пу Цуньси плёлся сзади, оглядываясь по сторонам.

— Где ты нашёл и когда купил подворье в такой глухой деревне, не связанной с внешним миром?

Закончав осмотр, он подошёл к Цинь Шаню и смело разглядывал его глаза.

— Ещё страннее то, что в мире говорят: командующий Цинь холоден и бессердечен, немногословен. Но за эти несколько дней я видел, как ты улыбался три раза! Говорят, те, чей характер резко меняется, непременно пережили нечеловеческие муки. Что же с тобой случилось той ночью в Безымянной долине?

Цинь Шань бросил на него лёгкий взгляд и шагнул во двор. Пу Цуньси уже с сожалением думал, что тот не ответит, как вдруг...

— Я услышал звук флейты.

...

— Я услышал звук флейты. Думал, это ты играешь, но оказалось, что нет.

Цинь Шань неспешно вышел из пещеры, а цепи на его ногах волочились по земле.

Перед ним стоял Ци Жован: на вершине горы он смотрел вдаль, на долину, и его лицо было редко серьёзным.

— Это цянская флейта, — сказал Ци Жован. — Цянская флейта обычно печальна, а эта мелодия...

Цинь Шань продолжил его мысль:

— Но в ней есть порыв боевого духа.

Ци Жован с тяжёлым видом кивнул:

— На этой цянской флейте играют военные марши. Я только что видел в долине слабые отблески огня... — Он встретился взглядом с Цинь Шанем, и оба в одно мгновение всё поняли.

Армия Западного Цяна скрытно вторглась в Безымянную долину — это известие способно было потрясти весь двор и просторы Великой Ци.

— Быстрее.

Ци Жован потянул его обратно в пещеру:

— Хотя огонь ещё не добрался до нашего заднего склона, это лишь дело времени. Нам нужно найти способ сбежать отсюда.

Он одной рукой рылся в вещах, бормоча:

— Мы оба пленника, беззащитные, да ещё и заперты в этом углу. Если нас действительно загонят в тупик, мы даже не узнаем, на сколько кусков нас порубят. Попробуй вот это, и это, попробуй всё!

Цинь Шань смотрел, как тот перерывает землю на три аршина вглубь и выбрасывает кучу ржавого железа: кухонные ножи, сабли, мачете — всё это Ци Жован осторожно хранил в углу пещеры и только сегодня откопал.

Цинь Шань не знал, откуда этот парень набрал столько всякого хлама.

— Бесполезно.

— Цепи, что удерживают нас, сделаны из Таинственного металла, — произнёс Цинь Шань. — Даже в расцвете сил мне пришлось бы потрудиться, чтобы сломать их. Это обыкновенное железо ничем им не уступит.

Ци Жован остолбенело смотрел на сломанную саблю в руке и беззвучно шептал:

— Но я не хочу умирать, не хочу умирать...

Видя его состояние, сердце Цинь Шаня тоже тяжело опустилось.

Он тоже не хотел умирать. Но что теперь, когда всё так, есть ли другой путь?

Почувствовав неясное предчувствие, Цинь Шань резко обернулся к входу в пещеру.

Там стоял человек: бесшумно, спиной к лунному свету. В руке он сжимал светящийся меч, от которого веяло леденящим холодом.

— Это я.

Незнакомец медленно заговорил.

Это был Янь Мобэй. В руке он держал обнажённый меч, на котором виднелись пятна крови — видно, он только что выбрался из битвы.

В мгновение ока он подошёл к ним, и двумя звонкими ударами разрубил цепи.

— На заднем склоне есть тайный ход, ведущий за пределы долины. Идите туда и не оглядывайтесь.

На его лице не было привычной сдержанности и угодливости, которые он проявлял при встрече с Цинь Шанем, не было раздражения и зависти к Ци Жовану, даже той вечной улыбки. Янь Мобэй говорил это так, будто отпускал двух незнакомцев, а не пленников, содержащихся в долине.

Цинь Шань встал. Впервые за три года он почувствовал сладостную свободу от оков. И также впервые за три года он так внимательно разглядывал Янь Мобэя.

Он изменился. Больше не был тем юношей с беззаботной улыбкой, у которого совсем не было забот, при первой их встрече. Его брови были омрачены печалью, лицо избородили морщины времени. Его улыбка теперь лишь скользила по поверхности, редко достигая глубины души.

Тот Янь Мобэй, который улыбаясь говорил: «Раз ты одинокий волк, то я буду шакалом, и мы будем сообщниками».

Тот Янь Мобэй, который из-за одной курицы по-нищенски преследовал его, не отступая ни на шаг.

Тот Янь Мобэй, который падая со скалы, крепко защищал его, предпочитая пострадать самому.

Тот Янь Мобэй, который чуть было не приоткрыл его закрытое на замок сердце, но в конце концов предал.

У него в висках даже появилась седина.

Даже в такой критический момент, находясь под таким пристальным взглядом Цинь Шаня, Янь Мобэй едва сдерживал порыв. Всё его тело вспыхнуло жаром, он чуть было не набросился на человека.

Но как раз сейчас это было неудобно.

Разрубив цепи, он под молчаливым взглядом Цинь Шаня снова устремился туда, где в небо вздымалось пламя.

— Через год, если я буду жив, я обязательно найду тебя!

Бесчисленные крики Янь Мобэя превратились в эхо, разнесшееся по долине, и стали кошмарами, что ночами мучили Цинь Шаня, но кроме него, никто их не слышал.

— И что потом?

Во дворике Пу Цуньси, прихлёбывая остывший чай, слушал рассказ Цинь Шаня о прошлом.

— Янь Мобэй отпустил вас, и вы с Ци Жованом сбежали. А дальше? Почему ты приехал в Цзяннань? Ученики Безымянной долины все погибли? Янь Мобэй тоже умер? А Ци Жован, который сбежал вместе с тобой? Куда он делся? Правда ли, что Безымянную долину атаковала армия Западного Цяна? Что им было нужно?

Пу Цуньси выпалил ворох вопросов.

— Но при чём здесь твоя резкая перемена характера?

— Я не менялся.

Цинь Шань поставил чайную чашку.

— Просто кто-то научил меня одной вещи.

— Чему?

Цинь Шань посмотрел на Пу Цуньси, в его глазах промелькнул отблеск, и он собрался было говорить, как во двор вбежал Цинтянь.

— Хозяин, тётушка Чунь приготовила обед, ждёт вас трапезничать!

Цинь Шань взмахнул рукавом.

— Мм.

— Эй, погоди, не уходи! — Пу Цуньси хотел схватить его. — Что значит «рассказал половину»? Не уходишь, пока не расскажешь историю до конца! Не смей уходить!

Цинь Шань посмотрел на него, слегка прищутив глаза.

— Я не сказочник.

Пу Цуньси вздрогнул и молча разжал руку.

— Перед обедом не забудь выполнить сегодняшнее задание, господин Пу.

Пу Цуньси держался за рукав, чувствуя обиду, сожаление и великую злость. Как он мог забыть? Как бы ни менялся Цинь Шань, он всё тот же мстительный демон, способный напугать ребёнка до слёз. Если его обидеть, хорошего не жди.

— Цинтянь, — Пу Цуньси обратился к слуге рядом. — Неужели я не могу сначала поесть, а потом варить лекарства?

Цинтянь с улыбкой указал на задний двор.

— Хозяин сказал, что у всего есть свой порядок. Господин Пу, прошу вас.

Неизвестно, у кого он научился этой улыбке, таящей нож. Маленький негодник, ничему хорошему не учится, только плохому.

Пу Цуньси покорно пошёл варить лекарства.

<http://bllate.org/book/16875/1555490>